

Ли Синлань обернулся и спросил:

— Пойдём в горы?

Чэнь Гэ внутри просто рвал и метал. Душа натурала — потёмки, а мысли его — иголка в стоге сена.

Снова настал праздник Двойной девятки. Время подниматься на террасы и смотровые площадки, когда аромат догорающего кизила смешивается с запахом пурпурных хризантем, а вечерний туман окутывает сад мелкой изморосью.

В черте города Линъюнь, на севере, высилась гора — не слишком обширная, но крутая. Она густо поросла лесом, была пронизана петляющими тропами и дышала глубокой, безмолвной тишиной. После полудня зарядил мелкий, едва заметный дождь, но в праздник Двойной девятки людей было не удержать. Горожане целыми семьями тянулись к вершине: старики и дети вместе выходили на прогулку, устраивали пикники, и повсюду слышался радостный смех.

То тут, то там среди деревьев дети восторженно прыгали вокруг коробок с едой. Взрослые торжественно открывали крышки, доставали самое изысканное пирожное и клали его ребёнку на голову, приговаривая заветное: «Пусть мой сын во всём достигает высот». В этой короткой фразе заключались все надежды и чаяния, накопленные за жизнь.

Чэнь Гэ поначалу был в приподнятом настроении, но чем дальше они шли, тем скучнее ему становилось. Он набрал охапку диких хризантем, сплёл из них венок и, подпрыгнув, нацепил его на голову Бэй Чэню. Венок съехал набок, закрыв гигантскому волку один глаз. Бэй Чэнь принялся сосредоточенно чесать затылок, и не успел Чэнь Гэ оглянуться, как тот куда-то затерялся в лесной чаще.

Тропа, ведущая к вершине, становилась всё уже, пока наконец они с Ли Синланем не остались одни. Они шли друг за другом в полном молчании.

— «Знаю, братья мои на вершину взошли, в косы вставили стебли кизила... Только жаль, одного не хватает в кругу», — процитировал Чэнь Гэ.

Он никак не мог усидеть на месте и по пути сорвал свежую веточку кизила, пристроив её на воротнике. Юноша в белых одеждах, с чёрными как смоль волосами и ярко-красными ягодами у горла, выглядел свежим, словно молодой лист после весеннего дождя. Но вид у него был совершенно поникший.

— Из всех стихов в учебниках мне нравятся только строки Ван Вэя.

Ли Синлань тоже поглядывал по сторонам, но пейзаж явно не занимал его воображение. Он отозвался мимоходом:

— Поэзия Ван Вэй очень естественна. Она проста, прозрачна и наполнена духом дзен.

Чэнь Гэ горестно всплеснул руками:

— Вот именно! Проста и понятна. Из всей школьной программы я понимал только его. Одно лишь до сих пор в голову не укладывается: почему он, уроженец Шаньси, в праздник Двойной девятки тосковал по братьям из Шаньдуна?

Ли Синлань замолчал. Видимо, он едва сдерживал смех — он едва заметно усмехнулся.

— Во второй сноске к тексту было пояснение: под «Шаньдуном» в те времена понимались земли к востоку от горы Хуашань.

Чэнь Гэ мгновенно покраснел.

— А! О... вот как? И ты это помнишь?

Ли Синлань смотрел на дорогу, время от времени придерживая Чэнь Гэ за руку, чтобы тот не угодил в грязь.

— Память у меня неплохая. Помнишь «Красные бобы растут в южном краю»? Это тоже Ван Вэй.

Память Чэнь Гэ была куда плачевнее. Он нахмурился, пытаясь вспомнить, и вдруг негромко напел мотив старой песни:

— «Я ещё не сварил для тебя красную фасоль, что станет тягучей раной...»?

Ли Синлань вновь промолчал. Чэнь Гэ протяжно выдохнул:

— Да шучу я. Ты как будто всё время не в духе? Вспомнил, там было не про фасоль, а про «вещь, что пробуждает тоску». Что с этим стихотворением не так?

— Всё верно. Оно называется «Тоска», или «В дар Ли Гуйняню». Ван Вэй написал его для придворного музыканта, настоящего мультиинструменталиста и певца своего времени, — Ли Синлань на мгновение криво усмехнулся, но тут же принял серьёзный вид. — В книгах пишут, что после мятежа Ань Лушаня Ли Гуйнянь бежал в твои края, в Сянтань провинции Хунань. Там он сначала исполнил «Тоску», а затем «Песнь реки Ичуань». От охватившего его горя он

впал в беспамятство на четыре дня, а вскоре после этого скончался в глубокой печали.

— А? — Чэнь Гэ почувствовал, как между ними повисла неловкость.

Стоило им остаться наедине, как атмосфера становилась необъяснимо натянутой. Ему решительно не о чем было говорить, и он не понимал, к чему клонит Ли Синлань. Вокруг было слишком тихо, и он снова принялся вполголоса мурлыкать «Красную фасоль». Но в горах крик птицы лишь подчёркивает безмолвие. С песней вышло так же: эхо в глубоком ущелье лишь усиливало ощущение одиночества.

К счастью, тягостные минуты пролетели быстро. К закату они добрались до вершины. Люди сидели группами, любуясь цветами. Кто-то даже приволок наверх медный котелок и прямо в прозрачном бульоне, посыпанном лепестками, варил рыбу.

Ли Синлань нашёл подходящий камень, обтёр его и усадил Чэнь Гэ. Тот открыл коробку — праздничные пироги ещё не остыли. Откуда-то прибежала смелая девушка. Поприветствовав Чэнь Гэ звонким, как у иволги, голосом, она кокетливо поднесла ему кувшин хризантемового вина. Чэнь Гэ густо покраснел и что-то невнятно пробормотал в ответ. Девушка, тоже раскрасневшись, убежала, а он сел делить угощение и вино с Ли Синланем.

Чэнь Гэ пребывал в полном недоумении. Современные девушки в этом древнем мире казались ему то ли чересчур бойкими, то ли совершенно слепыми. С чего бы ей подходить к нему? Ведь напротив сидел... Он поднял взгляд и увидел, что Ли Синлань сосредоточенно разливает вино. Пользуясь моментом, Чэнь Гэ принялся бесцеремонно его рассматривать.

Мужчина перед ним был строен и подтянут. В его облике чувствовалась военная выправка и чистота. Высокий лоб, глубоко посаженные глаза с едва уловимым «разрезом персика», в которых, однако, не было ни капли легкомыслия. Прямой нос, легкая улыбка. В его лице всё было идеально сбалансировано — ни убавить, ни прибавить. Истинный эталон мужественной красоты.

Если бы не те страшные ожоги, он наверняка был бы красивее любой топ-модели. А его длинные, сильные пальцы... в них было нечто притягательно-властное. Как жаль, что, прожив несколько лет по соседству, он ни разу его не видел.

Мысли Чэнь Гэ унеслись в неведомые дали. Через минуту он уже всерьёз размышлял о том, что «в гороскопах Водолеи и Весы считаются идеальной парой», и применимо ли это к отношениям двух мужчин.

— Чэнь Гэ, Чэнь Гэ, вино сейчас капнет на воротник.

Чэнь Гэ очнулся. Ли Синлань осторожно коснулся его подбородка, кончиком пальца стирая каплю вина. Юноша мгновенно густо покраснел. Заметив этот пристальный взгляд, Ли Синлань на мгновение замер. Из вежливости он не стал резко менять выражение лица, но руку

убрал как-то скованно.

Чтобы скрыть смущение, Чэнь Гэ опустил голову и быстро спросил:

— Тебе... можно пить? Раны не помешают?

Ли Синлань ответил невозмутимо:

— Спасибо за заботу. Последние дни мне гораздо лучше.

Глядя на его спокойствие, Чэнь Гэ вдруг ощутил укол совести.

— У тебя такие тяжёлые ожоги, точно всё в порядке? И эти колотые раны по всему телу... Я... я ничем не могу тебе помочь. Прости.

Ли Синлань покачал головой:

— Правда, всё хорошо. Раны не задели жизненно важных органов, самые тяжёлые дни уже позади. На лице уже затянулось, через пару недель всё пройдёт. Я всё равно не лицом на хлеб зарабатываю.

Чэнь Гэ только и смог выдавить:

— А, ну да.

Атмосфера снова стала странной. Закат окрасил небо в кровавые тона, осенний ветер окреп. Повсюду цвели хризантемы — золотые и нежно-лиловые; лепестки срывались с веток и улетали в неведомую даль.

Чэнь Гэ потёр переносицу:

— Ты знаешь, что и здесь есть зомби?

Левая сторона лица Ли Синланя скрылась в тени.

— Знаю. Когда ты спрашивал, зачем я иду в Сяньян, я не смог ответить сразу. На самом деле я обнаружил их следы ещё в пути. Я выслеживал их до самых гор, но из-за внезапного паводка упустил. Всё, что произошло с тобой в подземельях, мне известно.

Чэнь Гэ почесал затылок:

— Совсем забыл поблагодарить. Если бы ты не разбудил меня тогда, та тварь наверняка бы меня сожрала. И до этого, когда мы с Бэй Чэнем рубили деревья на острове... Те синие огоньки — это ведь тоже был ты? Ты так часто выручал меня, спасибо.

— Пустяки, — отозвался Ли Синлань.

Чэнь Гэ, вопреки обыкновению, замялся:

— Хотя я вроде как не умираю, всё равно это было чертовски гадко. На той твари было... ну, это самое.

Ли Синлань выпрямился, сложив руки на коленях, и произнёс со всей серьёзностью:

— Не нужно благодарности. Я солдат.

Чэнь Гэ кивнул:

— Как видишь, после появления здесь моё тело изменилось. А ты? Те синие огоньки... Бэй Чэнь говорит, что это «живые души» — когда дух человека покидает плоть против его воли, это предвещает скорую смерть. Но у тебя всё иначе. Ты управляешь ими осознанно. Это и есть твоя способность?

Ли Синлань едва заметно нахмурился, но подтвердил:

— Вроде того. Считаю, что душа — это такой же орган. Как можно пришить отсечённую конечность, так и малую часть души можно отпустить от себя. Если расстояние не слишком велико, а время пребывания вне тела коротко, её всегда можно вернуть.

Чэнь Гэ был поражён:

— Но это же должно быть безумно больно! И... как-то не совсем научно.

— Поначалу было непросто, — признал Ли Синлань. — Но я нашёл закономерности. Возможно, в этом и заключается моя трансформация. Это полезно для разведки, изучения структуры предметов или понимания эмоций других существ. Никакой особой практической выгоды. Это наука этого мира, не так ли?

Похоже, рана снова дала о себе знать. Ли Синлань достал из поясной сумки листок дурмана, разжевал его и проглотил. Боль понемногу отступила.

— И всё равно это потрясающе, — выдохнул Чэнь Гэ. — Почти как чтение мыслей. Ты знаешь, о

чём я сейчас думаю?

Перед глазами Чэнь Гэ заплясали синие искры. Они пронеслись у самого уха, и он невольно рассмеялся, находя это забавным.

Ли Синлань закрыл глаза:

— Ты хочешь уйти. Но из-за моих ран я... стал для тебя обузой.

Чэнь Гэ ахнул:

— Так точно?

— Ты такой... простодушный, — Ли Синлань не сдержал улыбки. — Я просто догадался. Человеческие мысли слишком абстрактны и запутаны, их невозможно прочесть буквально. Но ты колебался. Твои мотивы прозрачны, их легко предугадать.

— Но ведь тому дутуну Чжану ты нагадал всё точь-в-точь!

— Наполовину угадал, наполовину приврал. Просто припугнул его.

— Но как такое можно угадать?

Ли Синлань пояснил:

— Чжан Юаньцзю пытался через угрозы и публичные оскорбления унижить Бяньян-цзюня Хань Юаня, чей статус выше. Он черпает чувство собственной значимости, принижая других. Это верный признак глубокой неуверенности и трусости — скорее всего, следствие тяжёлого детства. Когда мы входили в город, мы проезжали мост. Циньские воины мыли там лошадей и упоминали, что это любимый конь дутуна, привезённый с его родины. У коня была большая голова, короткая шея, широкая грудь и густая грива, а шкура очень грубая — типичные признаки монгольской породы. Значит, дутун, скорее всего, родом из земель сюнну за пределами заставы.

Затем я использовал... «живую душу»? Давай лучше назовём это духовной силой. Я направил её на него и заметил на его груди глубокий шрам. По следу было видно, что сначала там было клеймо от раскалённого железа, которое потом грубо срезали ножом. Я предположил, что он был рабом.

Чэнь Гэ слушал, открыв рот:

— Раб из сюнну, трусливый и забитый. И что дальше? Про смерть родителей, помощь покровителя и армию в шестнадцать лет — это-то откуда?

— Он попал в рабство ребёнком и оказался в Цинь. Но, получив свободу через службу, он привёз лошадь из родных мест. Значит, к тому времени его родина уже стала частью Цинь. Вероятно, он жил на границе, его деревню вырезали, а сам он стал рабом. Родители в такой неразберихе либо погибли, либо пропали без вести — так что версия о смерти в любом случае сошла бы за правду. «Чжан Юаньцзю» — имя не сюннское, он явно его сменил. А возраст призыва... На его жетоне выбито, что он в строю с шестнадцати лет. Чтобы командовать пятью сотнями воинов в чине дутуна, нужно добыть как минимум тысячу вражеских голов.

— Как-то это... грустно, — пробормотал Чэнь Гэ. — Если бы не случайный покровитель, он бы так и сгинул в рабах. Ты просто невероятный. Мы ведь видели одно и то же, но я и сотой доли не заметил.

— Это пустяки. Профессиональная деформация, — Ли Синлань пожал плечами. — Я лишь постарался повлиять на его чувства и спутать мысли, иначе он бы не ушёл так просто. А ты человек открытый, на тебя такие трюки не действуют.

— Ага, дурачок с одной извилиной, — хохотнул Чэнь Гэ.

Низкий IQ, отсутствие образования, эгоизм и нетерпеливость — Чэнь Гэ чувствовал, что за этот короткий разговор все его изъяны обнажились перед Ли Синланем. «Интеллектуальное подавление» — кажется, именно так это и называлось.

Подул прохладный ветер. После недолгой паузы Ли Синлань вдруг негромко произнёс:

— С тобой я так поступать не буду.

— А? — Чэнь Гэ не понял, к чему это обещание, и от смущения у него на лбу выступила испарина. — Да всё в порядке.

Они снова погрузились в загадочное молчание.

— Слушай, я правда очень беспокоюсь, — признался Чэнь Гэ, почёсывая затылок. — Когда я очнулся, это было на поле боя, после засады где-то на западе провинции Хэбэй. Нас, пленных, угнали на рудники. Там творились жуткие вещи: циньцы сотрудничали с какими-то бабами в пурпурном. Они проводили эксперименты на людях, используя золотых гусей, заражённых вирусом зомби.

Ли Синлань кивнул:

— Я видел их в пути. Люди в пурпурном, воины в чёрных доспехах и колонны зомби. Они шли

через леса и днём, и ночью, направляясь в Цинь.

— Именно, — подтвердил Чэнь Гэ. — Я стащил у одной из этих пурпурных свёрток с вяленным мясом... ну, то есть, не в этом дело. Вкус был точь-в-точь как у нас дома. Думаю, эти иноземцы в пурпурном — люди племени мяо с юго-запада, мастера по части ядов и гу. С помощью своих насекомых они заражают гусей, превращая их в переносчиков вируса, а затем создают целую армию живых мертвецов, которыми тоже управляют через гу. Похоже, они хотят создать для Цинь непобедимое войско мертвецов.

Ли Синлань задумчиво прикрыл глаза:

— Зачем им зомби? Ведь даже в наше время никто так и не научился полностью контролировать их.

Чэнь Гэ потёр виски:

— Мы взорвали ту лабораторию, но часть тварей успели вывезти. Уверен, тебе ещё доведётся увидеть эти... магические картины.

Ли Синлань уловил главное слово:

— Ты сказал «мы»?

— Да, — улыбнулся Чэнь Гэ. — Я встретил там двух друзей: Ли Хуна и Янь Чуаня, оба из царства Чжао.

Ли Синлань кивнул:

— Чёрный камень у старшего брата Цзяня, а циньцы заигрывают с вирусом. Значит, ты уверен, что он в Цинь.

— Именно. Ли Хун рассказал мне, что видел на поле боя человека в белом защитном костюме. Тот среди трупов и пепла явно кого-то искал. Тогда корабли падали с небес, повсюду были пожары и циньские патрули. Кто ещё, кроме Старшего брата, рискнул бы жизнью, чтобы найти меня?

Когда Ли Синлань услышал это «кто ещё», он внезапно облегчённо вздохнул и кивнул.

Чэнь Гэ, не заметив перемены, продолжал:

— У циньцев вирус — значит, есть два варианта. Либо они схватили Старшего брата и

выпытали тайну чёрного камня, тогда он в плену в Цинь. Либо он потерял камень, циньцы его подобрали, а Старший брат, почуяв неладное, сам отправился в Цинь во всём разобраться.

Ли Синлань ещё раз взвесил все слова Чэнь Гэ и вдруг задал вопрос:

— А как давно мы здесь?

<http://bllate.org/book/17509/1659722>